

Владимир ГУТКОВСКИЙ,
*поэт, критик, лауреат
литературных премий
(г. Киев)*

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Когда мы произносим устойчивое словосочетание «проза поэта», то в нашем сознании автоматически возникают привычные картины.

Сергей Шелковый заявил о себе как поэт могучего, размашистого, перелетного письма, насыщенного всеми мыслимыми красками, запахами, звуками.

Невольно нечто подобного ожидаешь и от его книги автобиографической прозы.

Но тут совсем другая история.

В поэзии Сергея Шелкового с его даром поэтического обобщения многие детали повседневной жизни уходили на второй план или же, еще чаще, преобразовались в такие поэтические образы, в которых их прозаические источники-прообразы порою было совсем нелегко рассмотреть.

Теперь эти причинно-следственные связи восстановлены.

Автор, думаю, не случайно назвал свою книгу так кратко и вместе с тем емко.

Кровь и молоко — две главные сущностные субстанции, которые определяют и жизнь человека, и жизнь его души.

И не зря он дал своей книге подзаголовок — проза жизни.

В этой книге есть все — и обратная ретроспектива жизни, и те первичные элементы бытия, из которых складывалось все последующее на протяжении десятилетий.

Из молока и крови.

По капле. Капля за каплей.

Автор сделал то, что, в общем-то, стоит сделать любому человеку, который может оглянуться на пройденную дорогу и пережитые годы.

А именно: обратиться к истокам, осознать свое место в семейной истории, вспомнить свои самые начальные шаги.

Нельзя сказать, что это повествование захватывает с первых строк.

В него нужно вработаться. И тогда вдумчивый читатель очень скоро сможет обнаружить в нем и почерпнуть из него множество свидетельств и примет давно и далеко ушедших времен, ничуть, однако, не покинувших авторской памяти; точные психологические зарисовки, живые и объемные портреты современников прошлого.

Так думал я, бегло пролистывая книгу и по ходу фиксируя возникающие формулировки, которые могли пригодиться для будущей рецензии.

Но когда я начал читать книгу подробно и всерьез, то взглянул на нее совсем по-другому.

Вот эти впечатления по ходу чтения.

Возможно, иногда друг другу в чем-то противоречащие.

Книга эта, конечно, написана, прежде всего, для себя.

Но разве то же самое не верно и для всех других написанных на Земле книг?

Эта книга — высокий образец самоосознания и самопознания.

И воздаяния. Воздаяния предкам. Насколько это доступно современному человеку.

Конечно, пересказывать автобиографическую прозу, во многом выходящую за простой перечислительный ряд дат и событий, дело, хотя в данном случае и благодарное, но вряд ли возможное.

Я бы разделил эту книгу на две равноправные составляющие.

Генеалогия.

Подробная, детальная, возвышенная.

Захватывая без малого два столетия, книга устанавливает неразрывную связь времен.

Мощное и разветвленное родовое древо.

Каждая ветвь которого вспоминается до последней детали, исследуется тщательно и с неизменной любовью.

Корни древа уходят в почву прошлого, а новые побеги тянутся к солнцу будущего.

В прошлом — туманные предания и слабо различимые предки.

А также гипотетическая геральдика и родовые гербы.

Жизнь, и ушедшая навсегда, и органично увязанная с беспощадными реалиями середины прошлого века.

Причем все здесь читается с таким неотрывным интересом, что порой становится не столь важным, кто, кому и кем приходится. Настолько все герои (именно, герои!) этой истории самоценны и уникальны.

И хронология.

Хронология становления личности.

Воспоминания. С разной степенью резкости запечатленные в детской памяти и обогащенные семейными легендами.

И всегда выписанные с полнотой и преклонением перед их значением и величием.

Личное существование автора в этой книге первоначально обозначается как «от нуля до двенадцати». Хотя по ходу развития сюжета иногда и неизбежно выходит за эти рамки в более отдаленное будущее.

Одна параллельная читательница книги заметила — возможно, после двенадцати было бы интереснее.

Не думаю. Все-таки самоценное ядро личности формируется в первые годы, такие корневые и основополагающие.

Это куда важнее и интереснее последующих житейских приключений.

Главное и такое родное гнездо на Луганской окраине. Дедушка и бабушка, Петр и Марфа. Поистине библейские образы.

Именно здесь жизнь вливается в дитя наиболее полнокровно и непрерывно.

Тонкой молочной стружкой. Капля по капле.

И с той невероятной яркостью ощущений, которые возможны только в самом раннем детстве и которые остаются в памяти и сердце навсегда. На всю жизнь.

И далее — дворовое, мальчишеско-пацанское, постижение пространства и бытия со всеми живыми подробностями постепенно во взросления.

Окружающая бытовая действительность с ее нищими отходами государственной индустрии и патетикой вымученной пропаганды.

Одновременно с верой во все это. Без веры нельзя.

Или, напротив, с безверием и протестом, сполна заменяющими такую веру.

Мы с автором примерно ровесники.

Потому тот временной отрезок, о котором он повествует, прожит и мной.

Его импульсы синхронно резонируют в сердце любого современника.

История эпохи предстает в глобальных свершениях и бытовых подробностях.

Материальные детали детства, все эти калитки, тропинки, драчки, очереди, пионерлагеря и школьные классы благодарно отзываются и в сердце читателя. Роль которого в данном случае выполняет рецензент.

Эти оживающие события всплывают все отчетливей и отчетливей. Не забытые напрочь, просто хранившиеся где-то в дальних чуланах памяти.

У меня такое впечатление, что у нас с автором все общее. И даже такие второстепенные подробности, как спортивные реалии того времени, мне хорошо знакомы и сразу же рождают мучительные и радостные воспоминания.

Но история рода никак не отпускает автора. И он обращается к ней снова и снова.

Этих его предков, дедов и прадедов неимоверное количество. Разветвленная родня с индивидуальной судьбой каждого персонажа.

И каждая история — конспект романа.

Не просто потому, что жизнь каждого человека может быть художественно осмыслена. Здесь такие страсти. Страсти времени, судеб.

Возможно, когда-нибудь некоторые из этих набросков и будут развернуты в полнометражные произведения.

Захватывающие и поучительные.

«Но это, вряд ли...». Автор не ставит перед собой таких задач.

В этой книге они спрессованы в несколько абзацев текста.

Обладающих неимоверно пружинистой энергией.

Потому и сейчас в личности автора можно угадать черты и характер далеких пращуров.

И еще есть нечто общее во всех этих судьбах — самоотверженное служение Отчизне.

А тот высокий общественный статус, который был, благодаря этому служению, достигнут уже в наше время, не приносил им никаких льгот и не избавлял от тягот сурового, скудного и по нынешним меркам полуголодного послевоенного существования.

Еще к темам, затронутым в книге, надо добавить географию, философию, языкознание...

География пространства выписана настолько убедительно, что, к примеру, я, бывавший в Харькове, городе, где проходит возвращение и становление авторской индивидуальности Сергея Шелкового, очень эпизодически и кратковременно, сразу же узнаю многие городские облики и подробности.

Философия отливается в многослойные формулы. Всего один их образчик: «...навыки страхоборства русского человека...»

Язык книги по ходу книги все настаивается и густеет.

И понятие «прозы поэта» становится к ней все более применимой.

Это не та, несколько кокетливая, орнаментальная и самовлюбленная поэтическая проза, которой порою не избегали и классики.

Это проза мужественная. Проза глубокого смысла и выверенной образности.

На фоне этой прозы стихотворные комментарии, автоцитаты автора книги, хорошего поэта, могут как будто, иной раз, даже и потеряться.

И на фоне сгущенности и всеохватности самой жизни.

И опять трудно иллюстрировать это соответствующими цитатами. Потому, что тогда, начав, невозможно будет остановиться. Пусть читатель поверит мне на слово, хотя, конечно, оно и не такое безошибочное, как у автора.

Я бы обозначил жанр и стиль этой книги просто и кратко.

Лирическая аналитика.

В рисунке на обложке книге мне видится живое сердце. Пульсирующее кровеносным током и покрытое молочной пленкой.

И теперь на моей реально-виртуальной книжной полке наряду с каноническими произведениями, посвященными этой теме («Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Детство Темы» Н. Г. Гарина-Михайловского, «Детство» А. М. Горького и другими), будет стоять и книга Сергея Шелкового «Кровь, молоко».

И будет возглашать свою правду такую настоящую и уже не отменяемую.

Капля за каплей.

2010 г.